

В Нидерландах папский деспотизм очень рано вызвал самый решительный протест. За 700 лет до Лютера против папы римского бесстрашно выступили два епископа, которые, оказавшись в Риме, увидели истинный характер того, кто сидит на "святом престоле": Бог "навсегда учредил церковь. Свою царицу и невесту, на благо христиан и одарил ее возвышенными и вечными благами; Он увенчал ее венцом и скипетром, а ты, как вор, присвоил себе дары. Ты восседаешь во храме, как Бог; вместо того, чтобы быть пастырем, ты стал волком среди овец... ты хочешь заставить нас верить, что ты верховный епископ, но ты ведешь себя, как деспот. Ты должен быть слугой слуг, как ты называешь себя, но стал господином господствующих. Ты презираешь установления Божьи. Святой Дух созидает все церкви по всей земле... Град Божий, где все мы обитаем, достигает до небес, он больше города, который пророки называли Вавилон и который считает себя Божественным, вознесся до неба и кичится своей бессмертной мудростью, и, наконец, не имея на то никакого основания, считает, что он никогда не заблуждался и не может заблуждаться".

Этот протест из века в век подхватывали все новые люди. Те первые учителя, которые исколесили много стран и были известны под разными именами, работавшие подобно вальденским миссионерам, проповедуя повсюду евангельскую истину, проникли и в Нидерланды. Их учение быстро распространялось. Они перевели Библию с языка вальденсов на голландский язык, утверждая, что "она принесет огромную пользу, так как там нет ничего легкомысленного, никаких басен, шуток, насмешек, хитростей, но только слова истины; конечно, и здесь встречаются свои сложности, но сущность и сладость всего доброго и святого вполне доступна для понимания каждого". Так писали друзья древней веры в XII столетии.

Начались преследования, но, несмотря на пытки и костры, число верующих продолжало возрастать, они мужественно называли Библию единственным непогрешимым авторитетом в вопросах религии, утверждая, что "ни одного человека нельзя заставить верить принуждением, но только проповедью".

Учение Лютера нашло благодатную почву в Нидерландах, и там для проповеди Евангелия поднялись искренние и верные его защитники. Менно Симоне был уроженцем одной из провинций Голландии. Воспитанный в римско-католической вере и рукоположенный в священники, он совершенно не знал Библии и не желал читать ее, боясь попасть в сети ереси. Когда однажды у него появилось сомнение относительно пресуществления, он счел это сатанинским искушением и старался в молитвах и в исповеди освободиться от подобных мыслей, но тщетно. Он пытался легкомысленными развлечениями заглушить голос пробуждающейся совести, и это не принесло

результата. Спустя некоторое время он начал изучать Новый Завет и сочинения Лютера и в конце концов принял реформаторскую веру. Вскоре ему пришлось быть свидетелем казни человека, которому отрубили голову лишь за то, что он принял повторное крещение. Это побудило его обратиться к Библии в поисках решения проблемы крещения детей. В Священном Писании ему не удалось найти ни одного такого случая, напротив, он убедился, что раскаяние и вера являются необходимыми условиями для принятия крещения.

Менно оставил римскую церковь и всю свою жизнь посвятил проповеди принятых им истин. И в Германии, и в Нидерландах в то время появилось немало фанатиков, распространявших бессмысленные, бунтарские учения, направленные на разрушение общественных порядков и подстрекавшие к насилию и волнениям. Менно предвидел ужасные последствия этого движения и энергично вступил в борьбу с ложными идеями и дикими планами фанатиков. Немало людей, поначалу увлеченных бунтарским учением, потом отказались от своего пагубного заблуждения. Кроме того, было много последователей древних христиан, потомков вальденсов. Среди этих людей и начал Менно свою работу — и с большим успехом.

Двадцать пять лет он путешествовал вместе с женой и детьми, перенося большие лишения и трудности, часто подвергая свою жизнь опасности. Он путешествовал по всем Нидерландам и Северной Германии, трудясь главным образом среди простого народа и пользуясь большим влиянием. Обладая природным даром красноречия, Менно, хотя и не получивший широкого образования, был человеком непоколебимой честности, душевной чуткости и кротости. Это был серьезный и подлинно благочестивый человек, воплотивший в своей жизни принципы, которым учил людей, и потому пользовавшийся большим их доверием. Его последователи, рассеянные повсюду, переносили большие трудности. Они испытали много страданий, так как их путали с фанатиками-мюнстеритами. Все же, благодаря его трудам и стараниям, многие обратились к Богу.

Нигде реформаторское учение не было так широко принято, как в Нидерландах. И это несмотря на преследования, которые лишь в некоторых странах были сильнее. В Германии Карл V запретил Реформацию и охотно послал бы всех ее приверженцев на костер, но князья упорно и мужественно сопротивлялись его деспотизму. В Нидерландах же он имел большую власть, и там непрестанно выходили указы о гонениях и преследованиях. Читать Библию, слушать ее или проповедовать, даже просто говорить о ней — все это означало навлечь на себя смерть на костре. Молиться Богу в уединенном месте, а не перед рукотворным изображением, петь псалом — также считалось преступлением, заслуживающим смерти. Даже тех, кто отрекался от своих заблуждений, все равно лишали жизни. Мужчины погибали от меча, а женщин

живыми закапывали в землю. Тысячи людей погибли во время царствования Карла V и Филиппа II.

Однажды перед инквизицией предстала целая семья, которую обвиняли в том, что она не принимает участие в мессе и молится дома. Когда допрашивали самого младшего члена этой семьи относительно порядка семейного богослужения, то мальчик ответил: "Мы встаем на колени и молимся, чтобы Бог просветил наш разум и простил наши грехи; мы молимся за нашего короля, чтобы все было благополучно в его владениях, а сам он счастлив; мы молимся о наших городских начальниках, чтобы Бог сохранил их". Такие слова глубоко тронули кое-кого из судей, но в конце концов отец этого мальчика и один из его братьев были приговорены к сожжению.

Ярость гонителей равнялась вере мучеников. Не только мужчины, но и нежные женщины и юные девушки проявляли непоколебимую отвагу. "Жены не отходили от костров, в пламени которых гибли их мужья, шепча слова утешения или священными гимнами подбадривая их. Юные девушки, которых живыми закапывали в могилу, вели себя так, будто они ложатся спать в собственной спальне; всходя на эшафот или костер, они надевали свои лучшие платья, будто шли не на смерть, а под венец".

Когда язычники пытались уничтожить Евангелие, пролитая кровь христиан становилась священным семенем. Гонения увеличивали число приверженцев истины. Из года в год монарх, взбешенный непобедимой решительностью народа, продолжал свое страшное дело, но все было тщетно. Наконец после благородного Вильгельма Оранского Голландия обрела свободу служить Богу.

В горах Пьемонта, на равнинах Франции и берегах Голландии Евангелие распространялось кровью его учеников. Но в северных странах все происходило мирным путем. Реформаторскую веру в Скандинавию принесли студенты, возвращавшиеся к себе на родину из Виттенберга. Издание сочинений Лютера также способствовало распространению света. Простой, закаленный народ Севера отвернулся от порочности, помпезности и суеверий Рима, чтобы принять чистое святое учение Библии.

Таузен, реформатор Дании, был сыном крестьянина. Мальчик рано начал проявлять большие способности; он страстно стремился получить образование, но его родители не имели такой возможности, и ему пришлось поступить в монастырь. Целомудренность,

усердие и честность юноши вскоре завоевали расположение настоятеля монастыря. При проверке знаний он проявил многообещающие таланты, которые в будущем могли бы послужить церкви. Было решено дать ему образование в одном из университетов Германии или Нидерландов. Молодому студенту позволили самому избрать место учебы, но с одной оговоркой — кроме Виттенберга. Будущему богослову следовало избегать ядовитой опасности ереси — так говорили монахи.

Таузен отправился в Кельн, который в то время, как и ныне, был цитаделью папства. Очень скоро мистицизм его наставников стал вызывать отвращение у юноши. Приблизительно в это время он познакомился с произведениями Лютера. Он читал их с удивлением и восторгом и загорелся желанием увидеть реформатора, посоветоваться с ним. Конечно, он рисковал нанести оскорбление настоятелю монастыря и тем самым лишиться его поддержки. Вскоре все же выбор был сделан, и спустя некоторое время Таузен стал студентом Виттенбергского университета.

Вернувшись в Данию, он снова пошел в свой монастырь. Никто еще не подозревал его в приверженности к лютеранству; он не открывал своей тайны, но старался, не затрагивая предрассудков своих товарищей, направить их к более чистой вере и святой жизни. Он раскрывал Библию и объяснял ее истинное значение и наконец начал открыто проповедовать о Христе — единственной надежде грешников в оправдании и спасении. Страшен был гнев настоятеля монастыря, который возлагал такие большие надежды на него как на доблестного защитника римской церкви. Таузена немедленно перевели в другой монастырь, заключили в келью под строжайший надзор.

К ужасу его новых настоятелей, вскоре несколько монахов объявили себя протестантами. Через решетку своей кельи Таузен рассказывал своим сотоварищам об истине. Если бы эти датские отцы знали, как церковникам следует обращаться с еретиками, то никто больше никогда не услышал бы голос Таузена, но вместо того, чтобы отправить его в какую-то подземную темницу, они выгнали его из монастыря. Теперь они были бессильны. Только что вышедший королевский указ брал под защиту всех учителей новой веры. Таузен начал проповедовать. Церкви открылись перед ним, и народ толпами шел послушать его. Другие также проповедовали Слово Божье. Новый Завет, переведенный на датский язык, получил самое широкое распространение. Усилия папства приостановить эту работу привели к ее расширению, и спустя короткое время Дания заявила о принятии протестантской веры.

В Швеции молодые люди, наполненные живой водой из виттенбергского источника, поделились этим даром и со своими соотечественниками. Двое из вождей шведской

Реформации, Олаф и Лаврентий Петри, сыновья кузнеца из Оребру, обучались под руководством Лютера и Меланхтона и, в свою очередь, ревностно проповедовали истину. Подобно великому реформатору, Олаф воодушевлял народ своим рвением и красноречием, в то время как Лаврентий, вдумчивый и уравновешенный, как Меланхтон, был более похож на ученого. Оба были людьми настоящего благочестия, больших теологических познаний и несгибаемого мужества в проповеди истины. Но и паписты не бездействовали. Католические священники настраивали против реформаторов невежественных и суеверных людей. Олаф Петри часто подвергался нападениям черни, и несколько раз ему едва удавалось спастись. Но тем не менее король с благосклонностью относился к этим реформаторам и покровительствовал им.

Под гнетом римской церкви народ влачил нищенское существование. Отчужденные от Писания, имея религию, которая сводилась к внешней символике и обрядности, но не давала света душе, люди возвращались к языческим ритуалам своих предков-идолопоклонников. Нация разделилась на враждующие партии, постоянная борьба между которыми усугубила всеобщую нищету. Король решил узаконить Реформацию в государстве и церкви, и всячески приветствовал этих способных помощников в борьбе с Римом.

В присутствии монарха и правящей верхушки Швеции Олаф Петри с величайшим умением защищал учение реформаторской веры в диспуте с католическими богословами. Он заявил, что учение отцов должно быть принято только в том случае, если оно находится в согласии со Священным Писанием; что все необходимые принципы веры изложены в Библии в доступной и понятной форме, так что все люди могут разобраться в них. Христос сказал: "Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня" (Ин. 7:16), и апостол Павел заявил, что если даже и он начнет благовествовать не то, что он принял от Бога, да будет анафема (см. Гал. 1:8). "Как же тогда, — сказал реформатор, — другие осмеливаются устанавливать догмы по своему усмотрению и навязывать их как нечто необходимое для спасения?" Он доказал, что постановления церкви не имеют никакой силы, когда они идут вразрез с заповедями Божьими, и провозгласил великий принцип протестантизма: "Библия, и только Библия" — правило веры и жизни.

Эта борьба, хотя она и малоизвестна, открывает нам людей, которые составляли рядовых армии Реформации. Они не были малограмотными фанатиками, создающими вокруг себя шумиху. Нет, и еще раз нет. Они глубоко изучили Слово Божье и хорошо знали, как владеть оружием, которое дает им Библия. Что касается их познаний, то они далеко опередили свое время. Если мы обратим внимание только на такие блестящие научные центры, как Виттенберг и Цюрих, и на таких знаменитостей, как Лютер и Меланхтон, Цвингли и Эколампадиус, то нам, конечно, скажут, что это вожди движения, и естественно ожидать от них проявления незаурядного ума и блестящих свершений, а

те, кто шел за ними, сильно отличались от своих вождей. Да, все это так, но давайте теперь обратимся к скромным событиям в Швеции, к скромным личностям Олафа и Лаврентия Петри — от учителей к ученикам. Что же мы находим?.. Это ученые и богословы, люди, познавшие всю полноту евангельской истины и без труда одержавшие победу над софистами и теологами Рима.

В результате упомянутого диспута шведский король принял протестантскую веру, а спустя некоторое время и парламент последовал его примеру. Олаф Петри перевел на шведский язык Новый Завет, и, идя навстречу желаниям короля, братья приступили к переводу всей Библии. Таким образом, шведский народ впервые получил Слово Божье на своем родном языке. Парламент постановил, чтобы во всем государстве служители церкви разъясняли Священное Писание, чтобы детей в школах побуждали читать Библию.

Благословенный свет Евангелия постепенно и уверенно рассеивал мрак невежества и суеверия. Освобожденная от римского угнетения нация достигла небывалого расцвета и величия. Швеция превратилась в одну из крепостей протестантизма. Спустя столетие, в час величайшей опасности, эта небольшая и прежде слабая страна, единственная в Европе, осмелилась протянуть руку помощи Германии во время ужаснейшей тридцатилетней войны. Казалось, что вся Северная Европа вновь сделается добычей тирании Рима, но шведские армии помогли Германии остановить продвижение папистов, добиться религиозной терпимости для протестантов — и кальвинистов и лютеран — и вернуть свободу совести странам, принявшим Реформацию.